

**Очерк истории воспитания и
обучения с древнейших до
наших времен**

Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-95

О-95 Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен: Выпуск 2 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 395 с.

ISBN 978-5-518-09875-6

ISBN 978-5-518-09875-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Монтаня, а другихъ нравственпыхъ осповъ онъ не нашель; не удовлетворила его и клерикальная наука, а потому онъ отрицаль самую пользу науки вообще. Во всемъ направлепн его ума естественно должно было преобладать отрицаніе, первая причина котораго лежала въ его воспитаніи, или вѣриѣ — въ современпомъ ему обществѣ, жившемъ подъ авторитетомъ римско-католической церкви. Люди, подобные Монтаню, изъ недовольства существующимъ порядкомъ переходившіе къ безпощадному отрицанію, къ ожесточенію или къ эпикурейскому «*carpe diem*», всегда являются страдальцами, изъ страданій которыхъ однако общество должно почерпнуть для себя полезный урокъ, и тотчасъ обращаться къ тщательному изслѣдованію и удаленію причинъ такого же страданія для будущпихъ, подростаящихъ поколѣній...

Размышляя надъ ходомъ собственнаго и всего современнаго ему воспитанія, Монтаня восклицаетъ: «Къ чему послужить намъ, если мы станемъ жадно наполнять нашъ желудокъ мясомъ, но не будемъ въ состояпн переварить его и переработать настолько, чтобы оно дѣйствительно питало и укрепляло насъ? Мы слѣшкомъ любимъ опираться на чужую руку, такъ что наша собственная сила при этомъ вовсе пропадаетъ. Какъ скоро я желаю вооружиться противъ страха смѣрти, я тотчасъ обращаюсь къ Сенекаѣ; думаю ли пріискать утѣшеніе себѣ или другому, я непременно прибѣгаю за нимъ къ Цицерону. Но вѣдь я нашель бы все это въ самомъ себѣ, если бы только меня пріучали къ тому. Для меня становится невыносимымъ влечь дальѣ это жалкое, нищенское существованіе; ибо если мы и можемъ сдѣлаться благоразумными черезъ благоразуміе другихъ, то мудрыми мы сдѣлаемся только чрезъ нашу собственную мудрость». «Главное, чему слѣдуетъ учить питомца, это — чтобы онъ умѣль самъ познавать себя, умѣль хорошо жить и хорошо умереть. Изъ «свободныхъ искусствъ» пусть начинаютъ имспно съ того, которое дѣлаетъ насъ свободными. Когда же питомецъ научился всему необходимому, всему, что сдѣлаетъ его добрымъ и умнымъ, — тогда уже можно при-

ниматься съ нимъ и за логику, и за физику, геометрію или риторикѣ; избереть ли онъ потомъ себѣ какую-либо науку, онъ непремѣнно и скоро станеть въ ней мастеромъ, такъ какъ онъ уже развилъ въ себѣ силу мышленія. Пусть онъ учится отчасти изъ бесѣды съ учителемъ, отчасти изъ книгъ. Пусть учитель почаще даетъ ему самому въ руки хорошаго писателя, или покрайней мѣрѣ лучшій сокъ изъ него. Но пусть питомецъ не будетъ при этомъ стѣсняемъ, головою выдавннй гиѣву и нелѣпой прихоти своего яростнаго наставника. Я не хочу губить молодой умъ, заставляя его по принятому порядку, впродолженіе 14—15 часовъ, карпѣть надъ работою подобно какому нибудь носильщику груза. Однако я также не одобрилъ бы, види какъ иной робкій юноша меланхолическаго темперамента всѣми силами отдается чтенію книгъ, думая почерпнуть изъ нихъ совершенство: это дѣлаетъ молодыхъ людей неловкими въ обращеніи и удаляетъ отъ лучшихъ, еще полезнѣйшихъ занятій. Какъ много видѣлъ я въ жизни людей, которыхъ жажда науки сдѣлала дураками!» «Мой ученикъ долженъ не на фразахъ, а на дѣлѣ изучать свои уроки, на дѣлѣ же и повторять ихъ. Тогда будетъ видно: есть ли благоразуміе въ его предпріятіяхъ, обнаруживаются ли въ его поведеніи доброта и справедливость, отличается ли рѣчь его разумомъ и скромностью, есть ли у него терпѣніе въ болѣзняхъ, приличіе въ играхъ, умѣренность въ удовольствіяхъ, порядокъ въ экономическихъ дѣлахъ; поддается ли онъ сластолюбію, когда ему приходится выбирать между мясомъ и рыбой, виномъ и водой. Разумъ нашъ вѣрнѣе всего отражается въ нашей практической жизни; а потому не слѣдуетъ пріучать питомца къ однимъ словамъ. Когда у него есть хорошій запасъ реальныхъ, живыхъ понятій, — слова придутъ сами собою, а если и не придутъ, то онъ все таки отыщетъ ихъ». «Я люблю простую, естественную рѣчь, которая коротка и сжата, которая не столько нѣжна и изящна, сколько сильна и убѣдительна. Такимъ-то именно языкомъ и долженъ учиться говорить питомецъ, и говорить не такъ, какъ говоритъ его книга: мозгъ и плоть не добудешь,

какъ можно добыть платье». «Я желалъ бы прежде всего хорошенъко научиться своему родному языку, а потомъ языку моего сосѣда, съ которымъ у меня обыкновенно бываетъ болѣе всего споменій. Конечно, въ греческомъ и латинскомъ есть много изящнаго и возвышеннаго; но только покупается все это слишкомъ дорогою цѣной. Языкамъ надо учиться безъ грамматикъ и правилъ, безъ розговъ и слезъ, а—въ обращеніи съ людьми, съ которыми пришлось бы говорить напр. немаче какъ по латыни, по нѣмецки и т. д. Уроки, которые приходится какъ бы случайно, не будучи прикованы ни ко времени, ни къ мѣсту, проходятъ незамѣтно для насъ самихъ. Даже всѣ наши игры и тѣлесныя упражненія, какъ то: бѣганье, борьба, танцы, музыка, верховая ѣзда, фехтованье и охота—все это составляетъ значительную часть нашего обученія. Я желаю, чтобы нашъ внѣшній видъ развѣвался и совершенствовался вмѣстѣ съ нашею душою. Но прежде всего веди питомца такъ, чтобы онъ вѣдалъ оружіе предъ истиной, и, увидѣвъ ее, тотчасъ отдавался ей, хотя бы онъ увидѣлъ ее на сторонѣ своего противника, или во время размышленія открылъ ее въ собственномъ духѣ».

Такимъ образомъ Монтанъ является противникомъ всего схоластическаго, врагомъ всякаго формализма, фразерства и педантизма, которые господствовали въ школахъ его времени. Онъ требуетъ отъ образованія жизненности, дѣятельности, самостоятельности сужденія, реальное знаніе ставить выше мертваго вокабулизма, и придаетъ большое значеніе гимнастикѣ, поддерживающей бодрое, веселое настроеніе духа. Монтанъ старается показать, что воспитаніе важнѣе обученія, такъ какъ первое даетъ силу и характеръ человѣку, сообщаетъ ему должное направленіе; второе же, обогащая умъ свѣдѣніями, не опредѣляетъ воли, а потому еще не ведетъ къ нравственной жизни. Слѣдовательно, хорошъ только тотъ учитель, который дѣйствуетъ воспитательно на молодую личность, который является не исключительно учителемъ, заботящимся о выучкѣ, а—педагогомъ, вмѣющимъ въ виду гармоническое развитіе всѣхъ силъ и способно-

стей души питомца. Однако Монтань, возставая против современных ему злоупотреблений школы, против пассивности воспитанія, заходитъ также слишкомъ далеко въ своемъ отрицаніи, подобно другому гениальному французу — Ж. Ж. Руссо. Такъ Монтань возстаетъ противъ семейнаго воспитанія и желаетъ поручать его постороннимъ лицамъ, по преимуществу гувернёрамъ, что было въ обычаяхъ тогдашняго высшаго французскаго общества: «По общепринятому мнѣнію — говоритъ онъ — почитается вреднымъ воспитывать дѣтей на родительскомъ лопѣ. И дѣйствительно: естественная любовь дѣлаетъ даже благоразумныхъ родителей черезъ-чуръ пѣжкими и спсходительными; они не рѣшаются ни наказывать дѣтей, ни держать ихъ на простой пицѣ, какъ это должно. Они даже не перепоятъ, если дитя ихъ возвращается съ своихъ упражненій въ поту и въ пыли, когда оно пьетъ то холодное, то горячее, когда оно садится на дыкую лошадь, между тѣмъ какъ нѣтъ другаго средства воспитать совершеннаго человѣка, какъ еще въ юности не допуская его до изнѣженности и часто оставляя въ сторонѣ разныя медицинскія предписанія: *Vitamque sub divo et trepidis agat in rebus* (Горацій)» — Ошибка здѣсь заключается именно въ томъ, что Монтань вмѣсто того, чтобы требовать исправленія семейныхъ нравовъ, считаетъ за лучшее совершенно лишить дитя родительской любви и ласки. Стремясь къ реализму въ воспитаніи, въ противоположность прежней искусственности и безплодному знавію, онъ, также подобно Руссо совѣтуетъ знакомить юношество не только съ прошедшимъ, но и съ настоящимъ: «Пусть мой гувернеръ, воспитывая мальчика, не забываетъ истинной цѣли своего призванія, и изъ году въ годъ толкуя о разрушеніи Карфагена, о характерѣ Ганнибала и Сципіона и т. п., пусть онъ учитъ не столько самому прошедшему, сколько умѣнью правильно судить о немъ. Питомецъ долженъ познакомиться со всѣмъ окружающимъ его: съ пастухомъ, кампаникомъ, путешественникомъ наблюдая ихъ за ихъ работой и изучая каждый товаръ, ибо въ хозяй-

ствѣ все необходимо; даже глупости и слабости другихъ должны служить ему уроками».

Защищая образовательное значеніе философіи, Монтанъ рекомендуетъ школамъ въ особенности Эпикура, опредѣлявшаго цѣль жизни наслажденіемъ: «Странно, что въ нашъ вѣкъ дошло до того, что даже люди умные считаютъ философію однимъ пустымъ словонизвитіемъ, бесполезнымъ какъ для мысли, такъ и для дѣятельности человѣка. Къ величайшей несправедливости ее считаютъ недоступною для дѣтей, рисуя се чѣмъ-то мрачнымъ, скучнымъ, мелочнымъ и ужаснымъ. Но кто же надѣлъ на нее эту блѣдную, отвратительную личину (если не мы сами)? Нѣтъ ничего веселѣе, яснѣе, радостнѣе, можно сказать даже безумнѣе философіи. Она не проповѣдуетъ ничего, кромѣ радости и наслажденія. Унылая, мрачная мина на лицѣ человѣка именно доказываетъ, что онъ не знакомъ съ нею. Когда Димитрій Грамматикъ увидѣлъ въ Дельфійскомъ храмѣ сидящую группу философовъ, то обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: Или я ошибаюсь, или ваши веселыя, мирныя лица говорятъ мнѣ прямо, что вы вовсе не заняты серьезной бесѣдой. На это Мегарянинъ Хираклеонъ отвѣчалъ ему: Пусть, толкуя о своей наукѣ, хмурятъ свой лобъ лишь тѣ, которые изслѣдуютъ, двойное-ли *λ* имѣетъ *futurum* отъ *βάλλω*, или—отъ какихъ корней происходитъ сравнительная степень *χείρον* и *βέλτιον* и превосходная *χείριστον* и *βέλτιστον*; что же касается философскихъ изысканій, то они дѣлаютъ человѣка веселымъ и радостнымъ». Подъ философскими занятіями Монтанъ вовсе не разумѣетъ подобныя тѣмъ, какія процвѣтали въ схоластическихъ школахъ: «Что пользы питомцу—говорить онъ—если его будутъ душить одними хитросплетеніями софистическихъ силлогизмовъ, въ родѣ слѣдующаго: окорокъ требуетъ питья; питье умѣряетъ жажду; ergo—окорокъ умѣряетъ жажду! Пусть же питомецъ смѣется надъ такой наукой: это будетъ гораздо полезнѣе ея серьезнаго изученія!» Къ сожалѣнію Монтанъ, какъ и многіе ему подобныя реформаторы, былъ способенъ къ крайностямъ и увлеченіямъ, что кромѣ того

значительно объясняется его пылкимъ, чисто-французскимъ темпераментомъ. Нерѣдко онъ педантизмъ смѣшиваетъ съ самой наукой, и отрицая первый, какъ бы забываетъ о послѣдней, отдавая предпочтеніе развитію чувства и воображенія; онъ былъ болѣе поэтъ, чѣмъ мыслитель и педагогъ, хотя и стремился къ реализму въ воспитаніи, понимая подъ «реализмомъ» дѣйствительное, живое знаніе вещей. «Еще Плутархъ замѣтилъ — продолжаетъ Монтанъ — что слова «грекъ» и «учитель» были у Римлянъ бранными словами. Я самъ съ лѣтами убѣдился, что они имѣли на это достаточное основаніе. Но почему же это душа, обогащенная многоразличными свѣдѣніями, не дѣлается чрезъ нихъ ни жизненнѣе, ни дѣятельнѣе; почему слабій, дюжинный умъ, принимая въ себя мысли лучшихъ людей, какихъ только произвелъ міръ, нимало не образуется ими? Этого я до сихъ поръ не понимаю. «Кто хочетъ выѣстить въ своей головѣ столь много чужихъ, огромныхъ и сильныхъ мозговъ», сказала мнѣ одна дѣвушка, тотъ по необходимости долженъ стѣснить свой собственный мозгъ, чтобы очистить мѣсто другимъ». Я могу сказать еще иначе: какъ растенія вянутъ отъ излишней поливки; какъ лампы гаснутъ отъ излишняго масла; — такъ же бываетъ и съ нашею мыслительною способностью при изученіи слишкомъ обильнаго матерьяла, ибо умъ нашъ при этомъ обилии различныхъ понятій дѣлается неспособенъ къ самостоятельному развитію: ихъ непомерный грузъ производитъ въ немъ какъ бы вывихи или искривленія. Но съ другой стороны это опять невѣрно, такъ какъ наша душа растетъ именно по мѣрѣ того, какъ она наполняется (понятіями); къ тому же изъ примѣровъ древности мы ясно видимъ, что мужи, выросшіе среди общественной дѣятельности, великіе полководцы, великіе государственные люди въ то же время обладали и обширною ученостію». Но не смотря на эти сомнѣнія, Монтанъ, не будучи знакомъ съ реальной психологіей, еще не существовавшей въ его время, и не умѣя найти средствъ для развитія активныхъ и продуктивныхъ силъ духа, все таки приходитъ

къ заключенію, что занятіе науками скорѣе ослабляетъ, чѣмъ укрѣпляетъ душу, дѣлая ее болѣе женственною, чѣмъ воинственною. «Сильнѣйшее изъ всѣхъ существующихъ теперь на свѣтѣ государствъ — говоритъ онъ — есть Турецкое: это потому, что тамъ народъ воспитаніемъ пріучается цѣнить оружіе и презирать науки. Пока Римъ не началъ учиться, онъ былъ гораздо храбрѣе. Всѣ воинственнѣйшія націи нашего времени принадлежатъ къ числу грубѣйшихъ и невѣжественнѣйшихъ; Скифы, Паряне, Тамерланъ и др. достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ же». И такъ здѣсь уже одинъ шагъ до знаменитаго трактата Руссо о вредѣ наукъ. Изъ Монтаня, который, впрочемъ, не имѣлъ особеннаго вліянія на современную ему педагогическую практику, можно черпать и много истинно-поучительнаго, и также не мало ложнаго, особенно въ отрицательномъ отношеніи, такъ какъ писатель этотъ, не смотря на свою геніальность, все же былъ «большимъ сыномъ больнаго вѣка». По словамъ его біографа, настроеніе его духа постоянно колебалось между игривостью и меланхоліей; да и вообще не должна ли игривость мимутнаго эпикуреизма смѣняться меланхолической думой о вѣчности?...

Бэконъ Веруламскій.

Почти одновременно съ Монтанемъ, въ Англии жилъ и дѣйствовалъ другой, еще болѣе геніальный защитникъ реализма въ наукѣ и въ воспитаніи — Franciscus Baco Verulamius. Онъ родился въ Лондонѣ въ 1561 году, въ блестящее царствованіе королевы Елизаветы, при которой отецъ его состоялъ «хранителемъ большой печати». Его мать, изъ фамиліи Кюза, была женщина образованная, знавшая по-гречески и по-латыни. Мальчикомъ Францискъ отличался необыкновенною мѣткостью сужденія, такъ что королева любила толковать съ нимъ и называла его маленькимъ канцлеромъ. Еще не имѣя полныхъ 16 лѣтъ, Францискъ Бэконъ поступилъ въ одну коллегію Кембриджскаго университета, гдѣ ближайшимъ

руководителемъ имѣлъ знаменитаго доктора теологiи Уайтгиста, впоследствии епископа Кентерборiйскаго. Въ Кембриджѣ онъ прилежно изучалъ Аристотеля, но, при всемъ уваженiи къ нему, не успѣлъ полюбить его, такъ что еще отсюда ведетъ свое начало полемика Бэкона противъ схоластики. По выходѣ его изъ университета, сообщившаго ему общенаучное образованiе, отецъ желалъ ближе познакомить его съ политикой, и съ этою цѣлью отправилъ его вмѣстѣ съ однимъ англiйскимъ посланникомъ въ Парижъ. По возвращенiи въ отечество Бэконъ уже не засталъ въ живыхъ отца, и, получивъ небольшое наследство, съ большою охотою принялся за юриспруденцию. Королева дала ему мѣсто совѣтника при ней, а Иаковъ I сдѣлалъ его государственнымъ канцлеромъ и возвелъ въ графское достоинство. Жена принесла ему богатое приданое; но дѣтей отъ нея Бэконъ не имѣлъ. За шесть лѣтъ до смерти онъ лишился всѣхъ своихъ должностей, чему причиной былъ онъ самъ, не отличаясь честностью въ судебныхъ дѣлахъ. Король, убѣжденный въ его виновности, могъ лишь смягчить законный приговоръ надъ нимъ, послѣ чего Бэконъ уже тщетно старался вновь снискать льстивыми письмами его расположенiе и приобрести прежнее влiянiе на государственныя дѣла. «Можно подумать — замѣчаетъ Раумеръ, — какъ будто отъ чрезмернаго напряженiя интеллектуальныхъ силъ иногда страдаютъ силы нравственныя; какъ будто исключительная умственная работа, такъ сказать, не оставляетъ ни времени, ни умѣнья отдаться нравственному размышленiю и поглащаетъ всего остальнаго человѣка». Дѣйствительно, не доказываютъ ли подобныя грустные примѣры, что дѣятельность мышленiя и воли суть два отдѣльные, хотя и тѣсно связанные акта нашего духа, изъ которыхъ развитiе перваго еще не предполагаетъ, какъ непремѣнное послѣдствiе, развитiе и послѣдняго; что обработка умственной и нравственной сторонъ человѣческаго духа должна составлять двѣ одновременныя, но отдѣльныя задачи воспитанiя... Послѣднiе годы жизни Бэконъ посвятилъ преимущественно наукѣ, служившей для него един-

ственнымъ утѣшеніемъ, — и умеръ въ 1626 году, слѣдовательно 65 лѣтъ отъ роду, переживъ 10-ю годовщину современника своего — Шекспира.

Главною задачею жизни Бэкона, разрушенію которой онъ посвятилъ всю силу своего гениальнаго духа, было — противодѣйствовать тогдашней учености, столь же узкой, какъ стѣны замыкавшихъ ее монастырскихъ келій. Его паука хотѣла жить и дышать широкой, міровой жизнью, и съ помощью такой живой науки Бэконъ стремился поднять и возвысить подавленное клерикальной схоластикой могущество человѣка и всего человѣчества. Въ этомъ стремленіи Бэконъ считалъ всѣ средства позволительными, а потому самъ не остался свободенъ отъ роковыхъ ошибокъ. Онъ не отличался глубиною и благородствомъ чувства; его любовь и его ненависть были слѣдствіемъ холоднаго расчета — не болѣе. Обладая живымъ темпераментомъ и желѣзною энергіей, онъ въ тоже время былъ постоянно далекъ отъ страстнаго раздраженія, и потому сфера отвлеченной мысли была какъ бы его природной сферой; въ наукѣ онъ нашелъ свою вторую родину, и, благодаря своей наблюдательности и логикѣ, открылъ для нея новый, болѣе правильный, индуктивный путь, ведущій отъ опыта къ точному знанію. На мѣсто прежняго идеализма въ наукѣ онъ поставилъ реализмъ, на мѣсто догматизма — критицизмъ, и показалъ превосходство эмпирической методы надъ апріористической или умозрительной. На этихъ, въ сущности старыхъ, по теперь какъ бы вновь открытыхъ началахъ Бэконъ старается перестроить все зданіе науки; поэтому первую часть своего капитальнаго труда онъ назвалъ «*Instauratio magna*», дѣлая въ ней обзоръ всѣхъ наукъ, а вторую — «*Novum organon*», гдѣ излагаетъ методику новой, имъ основанной науки.

«Науки — говоритъ онъ — находились до сихъ поръ въ очень жалкомъ положеніи. Потерявшись къ пустыхъ и безплодныхъ словопреніяхъ, философія впродолженіе цѣлыхъ столѣтій не произвела ни одного творенія, которое дѣйствительно принесло бы пользу человѣческой

жизни. Прежняя логика скорѣе служила къ закрѣпленію ошибокъ, чѣмъ къ изслѣдованію истины. Отчего же это? Гдѣ же причина этого жалкаго положенія наукъ? Причина въ томъ, что онѣ оторвались отъ своего корня, т. е. отъ природы и отъ опыта, а виною этого были въ свою очередь многія обстоятельства: во 1-хъ старый, глубоко укоренившійся предразсудокъ, будто бы человѣческій разумъ унижаетъ свое достоинство, если онъ много и постоянно занимается опытами и матеріальными предметами; во 2-хъ суевѣрія и слѣпой релігіозный фанатизмъ, искони бывшій самымъ непримиримымъ противникомъ натуральной философіи; въ 3-хъ исключительное занятіе этикой, политикой и теологіей; въ 4-хъ огромный авторитетъ, который приобрѣли только извѣстные философы, и излишнее наклоненіе древности; въ 5-хъ какая то нерѣшительность и отчаяніе въ возможности преодолѣть многія важныя затрудненія, представляющіяся при изслѣдованіи природы. Всѣ эти причины повели за собой упадокъ наукъ. Ихъ реформа зависитъ отъ двухъ условій: объективное условіе заключается въ возвращеніи науки къ опыту и къ философіи природы, субъективное — въ очищеніи чувствъ и разума отъ всякихъ отвлеченныхъ теорій и перешедшихъ по преданію предразсудковъ. Оба эти условія вмѣстѣ даютъ правильную методу естествознанія, которая есть не иная, какъ индукція (наведеніе); отъ правильного наведенія зависятъ всѣ успѣхи, все процвѣтаніе наукъ».

По ученію Бэкона, всѣ понятія, почерпаемыя не изъ самой природы вещей, суть идолы, которые затѣмняютъ умъ человѣка и закрываютъ отъ него природу. Чтобы открыть истину, надо прежде всего остерегаться, чтобы имена и названія предметовъ не принять за самые предметы. Привычки съ дѣтства замѣнять предметы словами и съ помощію ихъ понимать другъ друга, мы невольно смѣшиваемъ слова, т. е. названіе вещей съ вещами или съ ихъ реальной сущностью, тогда какъ слово вовсе не показываетъ сущности вещи, а только — наше отношеніе къ ней, или то значеніе, которое она имѣетъ въ нашихъ